

DOI: 10.25178/nit.2018.4.7

ЖЕНЬШЕНЬ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТУВИНЦЕВ КИТАЯ И РОССИИ

GINSENG IN THE TRADITIONAL CULTURE OF TUVANS IN CHINA AND RUSSIA

Жанна М. Юша

Институт филологии Сибирского
отделения Российской академии наук,
Российская Федерация

Zhanna M. Yusha

Institute of Philology
of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Женьшень в тувинской культуре является одной из почитаемых трав. В народной медицине тувинцы широко использовали корень женьшеня как чудо-траву, как лечебное средство от многих болезней. В статье рассмотрена народная терминология названий женьшеня, которая имеет различия у тувинцев России и тувинцев, проживающих в Китае.

Источниковой базой послужили опубликованная научная литература по российским тувинцам, а также полевые материалы автора, записанные в ходе комплексных экспедиций 2010–2016 гг. и 2018 г., проведенных в местах расселения китайских тувинцев.

По поверьям тувинцев, женьшень по своему строению имеет сходство с человеком “тело”, он бывает мужской и женской особи. Поэтому считалось, что если выпить отвар травы из соответствующего “органа” — человек может вылечить свой недуг. В качестве примеров приведены рассказы о значимости женьшеня в лечебной практике, а также о знахарях-травниках, которые лечили болезни с помощью этой травы.

Ginseng is one of the most respected herbs in Tuvan culture. In a folk medicine it was widely used as a wonder-working remedy for many diseases. The article examines the folk names of ginseng, which are different for Chinese Tuvans and Tuvans living in Russia.

The article is based on both published literature on Tuvans in Russia and field materials collected during expeditions to Tuvan-populated areas in China in 2010–2016 and 2018.

Ginseng is believed to have a ‘body’, which is similar to the human one; it can be male or female. Thus it was considered that a man can be healed by drinking the broth from a corresponding ‘part’ of the ginseng body. Examples provided in the articles are stories of an importance ginseng has in medical

Юша Жанна Монгеевна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-14-52. Эл. адрес: zhanna-yusha@yandex.ru

Yusha Zhanna Mongeyevna, Candidate of Philology, Leading Research Fellow, Sector of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-14-52. Email: zhanna-yusha@yandex.ru

Проанализированы обязательные ритуальные действия при выкапывании женьшеня: окропление местности, развешивание ритуальных ленточек, произнесение обрядовых слов, имитирующих “состояние” растения во время раскапывания, а также устойчивые формулы заклинаний.

Обозначены направления дальнейших исследований по этой теме.

Ключевые слова: тувинцы; тувинцы Китая; Тува; Китай; традиционная культура; народная медицина; травники-лекари; женьшень; обрядовая практика; фольклорная традиция; тувинский фольклор

practice and of healers who can cure a number of diseases with this herb.

Also analyzed are the ritual actions required to be performed in digging out ginseng, such as sprinkling of the area, hanging ritual ribbons, saying spells imitating the ‘state’ of the herb during digging, and some fixed formulae.

We end with suggesting some directions for further research.

Keywords: Tuvans; Chinese Tuvans; the Republic of Tuva; China; traditional culture; folk medicine; herbalists-healers; ginseng; ritual practice; folklore tradition; Tuvan folklore

Введение

Народная медицина тувинцев тесно связана с традиционной культурой, является одной из ее составных частей. У тувинцев, наряду со средствами животного происхождения, лечебные травы в прошлом составляли основу народной медицины и являлись важным средством лечения от многих болезней. Собирали их только знающие люди — травники-лекари, в народе называемые *оьтчу, отчу, одачы*, от слова *оьт / от* — “растение, трава” + *-чу-, -чы-* аффиксы, в тувинском языке определяющие род занятий человека. Травники-лекари имели высокий статус в тувинском обществе, к ним за медицинской помощью обращались многие люди, которые просили вылечить тот или иной недуг. Обычно считалось, что травниками-лекарями люди рождались, это предназначение было даровано им судьбой, поэтому многие из них были потомственными лекарями. По поверьям тувинцев, травников-лекарей ставили наравне с шаманами, сказителями, то есть с теми, кто обладает магическими способностями, поскольку люди верили, что травники тоже имеют связь с различными духами-помощниками.

Среди лечебных растений знахари-травники нередко использовали женьшень, который, как считалось, хорошо помогал при лечении различных заболеваний. Однако роль и место женьшеня в тувинской традиционной культуре до настоящего времени еще мало изучена.

Цель статьи — охарактеризовать роль женьшеня в традиционной культуре тувинцев, рассмотреть народную терминологию названий женьшеня и мифологические представления о нем, описать роль травника-лекаря в народной медицине, охарактеризовать специфику бытования устных рассказов о женьшене и лекарях-травниках, определить разные способы метки женьшеня, существующие в обрядовой культуре, выявить мотивы применения женьшеня в лечебной практике, проанализировать правила акционального и речевого поведения человека при выкапывании женьшеня, описать представления о выкупе-жертве.

Поскольку эта тема в тувиноведении является малоизученной, то в настоящей статье предпринята попытка проанализировать роль женьшеня в культуре тувинцев России (материнская традиция) и Китая (анклавная традиция) с точки зрения выявления диалектных черт в фольклорной и ритуальной традициях, так как у китайских тувинцев сохранились многие архаичные черты и мифологические представления, в настоящее время уже утраченные в материнской традиции.

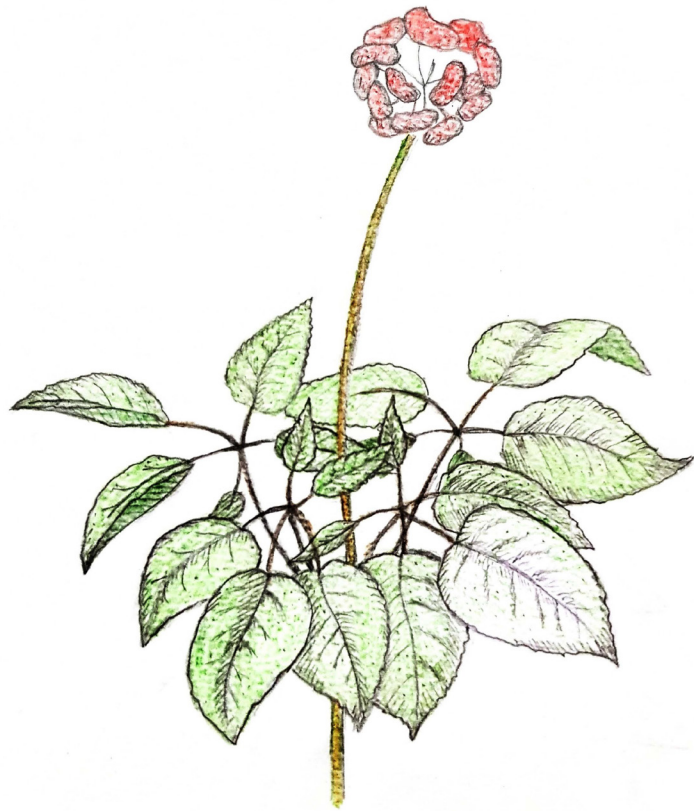
Источниковой базой для статьи послужили опубликованная научная литература по российским тувинцам (Кыргыз, 1990, 1992, 2015), а также полевые материалы автора, записанные в ходе комплексных экспедиций 2010–2016 гг. и 2018 г., проведенных в местах расселения китайских тувинцев (Юша, 2012, 2013, 2017).

О женьшене

Женьшень в тувинской культуре является одной из почитаемых трав. Как и у многих других народов Восточной Азии (Бромлей, 1981: 224), в лечебной практике тувинцев особое место отводилось корню женьшеня, применяемого при различных заболеваниях (латинское название корня женьшеня обыкновенного *Radix Ginseng*). Целебные свойства женьшеня высоко ценились тувинцами и, как они считают, эта трава недоступна для простого человека, она растет в самых отдаленных и труднодоступных таежных местах.

Женьшень по-тувински называют *оргаадай* (русские тувинцы, далее — росс. тув.), *чангыс оол* (букв. «одинокий мальчик») / *корхаадай* / *коргууда* (китайские тувинцы, далее кит. тув.). По материалам З. К. Кыргыз, русские тувинцы женьшень еще называют *улуг оѳт* (великая трава), *кижи-сиген* (человек-трава) (Тувинские народные песни и обрядовая поэзия, 2015: 89). Видимо, название *улуг оѳт* (великая трава) связано с преклонением перед этой травой, а также уважительным отношением. Тувинцы считали женьшень чудо-травой, способной вылечить даже тяжело больного человека; название *кижи-сиген* (человек-трава) указывает на сходство корня женьшеня с фигурой человека (сравните китайское слово 人參 renzhen — «человек-корень»).

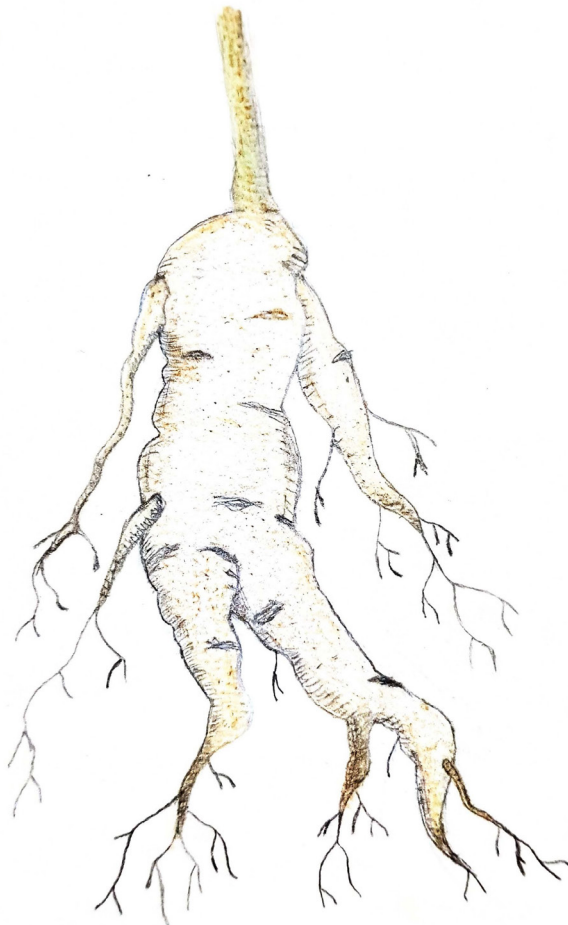
В традиционной культуре тувинцев трава женьшень была связана с поверьями и запретами, окутана мистической тайной, представлена разнообразными ритуалами и обрядовыми текстами. По поверьям тувинцев, женьшень показывается редким людям, так как «только добрый, незапятнанный человек может выкапывать его, иначе женьшень уходит в землю или превращается в дракона» (Тувинские народные песни и обрядовая поэзия, 2015: 89). Это представление совпадает с верованиями искателей женьшеня у народов Дальнего Востока, которые в случае нахождения травы произносили фразу: «Женьшень, не уходи! Я чистый человек, я душу свою освободил от грехов, сердце мое открыто, нет худых мыслей у меня!» (Востриков, Константинов, Фруентов, 1979: 51).

Рис. 1. Женьшень обыкновенный.

Рис. А. Юша.

Fig.1. Chinese ginseng (Panax Ginseng), a drawing by A. Yusha.

Рис. 2. Корень женьшеня обыкновенного.

Рис. А. Юша.

Fig.2. The root of Chinese ginseng (Panax Ginseng), a drawing by A. Yusha.

Способы метки женьшеня

Китайские и российские тувинцы женьшень считали также «огненной, горячей» травой (*чаңгыс от бооп хывар* — «горит единственным огнем», *улуг ногаан от үнер чаңгыс оолдуң чечээнден* — «от цветка женьшеня разгорается большое зеленое пламя»), его выкапывали в конце лета, когда созрел корнеплод. Люди верили, что женьшень днем был неприметной травой, а поэтому его в светлое время суток невозможно было найти. Он светился только ночью в виде огонька, поэтому человек, который хотел его выкопать, специально огораживал участок его произрастания ночью, когда цветки этой травы будто бы «горели огнем», выделяясь из остальных трав. Чтобы найти его, в дневное время травники-лекари обязательно ставили своеобразные «метки».

В наши дни подробно рассказывают о метке женьшеня китайские тувинцы, которые во время его цветения ночью огораживали эту траву разными способами. Судя по нашим собранным материалам, в народной традиции китайских тувинцев имеются три способа метки женьшеня. Наиболее распространенным способом было огораживание места произрастания женьшеня волосяным арканом, используемым для скота (инф. Талантаа¹, инф. Хулдей², записано в с. Ханасе в 2018 г.). При втором способе используется ружье, видимо, это появилось в более позднее время, когда тувинцы ружье начали использовать в охотничьем промысле. Носители традиции рассказывают, что, как и в первом случае, ночью находят «светящийся» женьшень и дуло ружья направляли в его сторону, чтобы в дневное время найти его и не спутать с другими травами (инф. Манзыырак³, записано в с. Хоме в 2018 г., инф. Мейхуа⁴, записано в с. Ханасе в 2018 г.). Однако, по мнению информантов, этот способ не всегда бывает эффективным. Был и третий способ метки женьшеня, который предотвращал смену местоположения травы, поскольку считали, что женьшень может «уйти в другое место». Для этого завязывали траву портянками для сапог, чтобы тем самым осквернить место произрастания женьшеня во избежание его «побега». Верили, что в таком случае, трава не может менять свое местонахождение и по сделанной метке ее можно найти в дневное время.

У российских тувинцев подобные нарративы о метке женьшене не зафиксированы, но существовали правила о способах его выкапывания. Например, считали: «При заготовке его нельзя обламывать, иначе он потеряет силу, и возраст корня должен быть от трех лет. В молодых корнях нет еще силы духа Земли и Небесного огня» (Тувинские песни и обрядовая поэзия, 2015: 89).

¹ Талынтаа, 1945 г. р., род танды, с. Ханас

² Хулдей, 1949 г. р., род хойт, с. Ханас

³ Манзаарак, 1936 г. р., род кызыл-соян, с. Хом

⁴ Мейхуа, 1974 г. р., род кызыл-соян, с. Ханас

Мифологические представления о женьшене и применение в лечебной практике

По мифологическим представлениям тувинцев России и Китая, как и многих народов, имеющих дело с этим растением, женьшень по своему строению имеет схожее с человеком «тело» и особую кровеносную систему, а также считают, что он бывает мужской и женской особи:

Отчу¹ кижы көвей болган. Корхаадай² деп кижы түрлүг³ сизген казып алып. Кай чери аарыза, ону казып ишсе эки бооп калыр. Оон соонда ону казарда, дээ кининен⁴ дамырлыг, дазылдыг болур иргин... // Много травников было. Траву корхаадай, напоминающую (фигуру) человека, выкапывали. Если любое место заболит, его выкапывая, пьют, и выздоравливают. Когда его выкапывают, (трава) от пуповины имеет вены, корень, оказывается... (инф. Солонго⁵, зап. в 2010 г.).

Исходя из таких представлений, тувинцы, как и хакасы, верили, что «при лечении мужчина должен был употреблять траву мужской особи, а женщина — женской» (Бутанаев, 1996: 214).

Считалось, что если выпить отвар из соответствующего «органа» женьшеня, то человек может вылечить свой недуг. Например, если человек страдал болезнями различных органов, то ему лекарь давал эти же «органы» растения. Отвар следовало приготовить именно из этих «органов», чтобы «подобное вызывало подобное»:

Кандыг аарыг кижиниң экиртиир дем чүвесин ишсе... Амдыы даман⁶-даяа сынса, аарса ол даманынан бичии ижер аарыг кижы. Унуун⁷ ам дуу хол-даман болса⁸ хол ийинен алып. Башка⁹ ам чүрек-өкпе чүве болса ам чүрек чүвези черинен алып // Любой больной человек может выздороветь, если будет пить отвар (женьшеня). Если сломаны ноги, если они болят, то больной человек выпивает отвар «ноги» (женьшеня). Если рука — соскабливают с «руки» (женьшеня). Если сердце-легкие, то возле «сердца» (женьшеня) соскабливают (инф. Талынтаа, записано в с. Ханасе в октябре 2018 г.).

Травники с помощью корня женьшеня лечили людей не только от болезней, но и сращивали им сломанные кости рук и ног. Например, если у человека была сломана рука, то ему полагалось выпить ветви травы, напоминающие руки, а если ноги — то «ноги». Как свидетельствуют имеющиеся рассказы, с помощью женьшеня знахари-травники отлично справлялись с функциями костроправа.

В то же время лекари строго соблюдали запрет показа травы посторонним людям, в противном случае, трава могла потерять свои целебные силы. Об этом повествует следующий текст:

¹ Диалектное произношение, литературная форма — *отчу*.

² Диалектное слово, литературная форма — *оргаадай*.

³ Диалектное слово, литературная форма — *ышкаш*.

⁴ Диалектное произношение, литературная форма — *хининден*.

⁵ Солонго (1956–2016), род иркит, с. Ак-Хава.

⁶ Диалектное слово, литературная форма — *бут*.

⁷ Диалектное слово, литературная форма — *оон*.

⁸ Диалектное произношение, литературная форма — *болза*.

⁹ Диалектное слово, литературная форма — *өске*.

Хоргаадай бурун дыңнаарда бар деп турар. Бо Ханаска хоргаадай болган бурун шагда. Кевир¹ кижилер ол хоргаадайны казып алган дээн. Бис дыңнаарда, мында сынган черин, сынган черни, сынган сөөктү бир баглаар ашкиак² болган. Оон соонда ол кижилер баглааштан ону шарыын соңгаар³ кижиге көргүспес ол ашкиак. Соңгаар кайгап алгаш⁴, ол шагда ол кижилер давышак⁵ кедер, хойунан мынчап алгаш бир чивени⁶, кижиге көргүспес. Чидиг бичеккен⁷ бичии сивиргеиштен ону сугга холууштун ижиртип каар. Онуун улуг амытаннар⁸ айтып туру⁹, дээ кижилер хоргаадай сивирин берип туру деп ынчаар. Бырак¹⁰ кижиге көргүспес ол кижилер. Оон соонда кижиниң баглаан сыны¹¹ чаагай экириир. Оон соонда ол холуң сынза ону ижиртип каар. Ооң соонда бо холуңдан ба, бо сынган чер болса боранан¹², боранан бичии бооп көгерип үнер. Ол ижирткен хоргаадай үнүп тур деп мынчаар амытан. Ол ашкиак улуг отчу кижилер, ондагалыг¹³ отчу кижилер ол керемет¹⁴, пеле¹⁵... // Раньше слышала, говорили, что есть женьшень. В Ханасе был женьшень в древние времена. Говорили, что некоторые люди выкапывали тот женьшень. Как мы слышали, в этом месте сломанное место, сломанную кость умеющий сращивать был один старик. После того, как перевяжет, то место людям не показывает тот старик. Отвернувшись, в то время тот человек носил национальную одежду, из-за пазухи так вот доставал что-то, но людям не показывал. Острым ножом немного что-то соскабливал, это разбавлял в воде, давал пить (больному). Потом старые люди говорили, что тот человек соскабливал женьшень, так говорили. Но никому не показывал тот человек. После этого сломанное место хорошо заживает. Если рука сломается, то его дает пить. Потом на этой руке или на сломанном месте остается маленький синяк. Тот выпитый женьшень наружу выходит, так говорят люди. Тот старик был великим травником, хорошим травником, молодцом он был... (инф. Уурук, зап. в Ханасе в 2010 г.).

Ритуальные действия и обрядовые тексты при выкапывании женьшеня

В памяти представителей старшего поколения китайских тувинцев до сих пор хранятся знания о правилах акционального и речевого поведения человека при раскапывании женьшеня. Информанты, рассказавшие об этом, признавались, что

¹ Диалектное слово, литературная форма — чамдык.

² Диалектное слово, литературная форма — ашак.

³ Диалектные слова, литературная форма — шараан соонда.

⁴ Диалектные слова, литературная форма — артынче көрүп алгаш.

⁵ Диалектное слово, литературная форма — тыва хеп.

⁶ Диалектное произношение, литературная форма — чүвени.

⁷ Диалектный вариант, литературная форма — бижек-биле.

⁸ Диалектное слово, литературная форма — кижилер.

⁹ Диалектное слово, литературная форма — чугаалап тур.

¹⁰ Диалектное слово, литературная форма — шуут.

¹¹ Диалектное слово, литературная форма — сынган чери.

¹² Диалектное слово, литературная форма — бо черден.

¹³ Диалектное слово, литературная форма — шыырак.

¹⁴ Казахское слово, литературная форма — дыка эки.

¹⁵ Казахское слово, литературная форма — эр-хей.

они в своей жизни ни разу не видели траву женьшень, но слышали рассказы о ней от своих родителей или пожилых людей, а это подтверждает преемственность и живучесть традиции почитания женьшеня в тувинской культуре.

Перед выкапыванием женьшеня травник-лекарь обязательно совершал окропление местности (*чажыл / чажыг чажары*), на деревьях развешивал ритуальные ленточки (*чалама*), тем самым, умилоствляя духа-хозяина местности. Человек в процессе выкапывания травы произносил слова от имени женьшеня, имитировал “состояние” растения во время его раскапывания:

Бажым үнүп кел чыдыр бе? / Оон ийи холун уштуур / “Иии, мээң ийи хол чүвем уштунуп кел чыдыр” деп човууртаар дидир ий / Оон соонда човууртаар, оон соонда үнер деп кел чытканда борада келир чүве хөрөкде: “Өй, өкпе-чүрээм кыстып бар чыдыр, кыстып бар чыдыр” деп ынчаар дидир / Оон соонда үнгештиң даманын уштуун соонда “Мен өлдүм” дээниши¹ ындыг чүве аайтыр дидир / “Тырс” деп ынчаар дидир / “Тырс” дээрге ам ооң өдү үстүп олур кой, ынчаан бир дааш үнер дидир. — Голова моя выходит ли? Затем вытаскивает две руки (травы) (со словами): “Иии, мои две руки стали выходить” — так стонет (от боли), говорят / Затем стонет (от боли), потом, когда доходит до уровня груди произносит: “Ой, мои легкие-сердце с трудом вытаскиваются, с трудом вытаскиваются, говорят / После того, как вытащили “ноги”: “Я умер” — такое произносит, говорят / “Тырс” — так произносит, говорят / “Тырс” означает, что трава вытащена (из земли), такой шум издается, говорят (инф. Хулдей², записано в с. Ханасе в октябре 2018 г.).

После этих фраз человек, выкапывающий корень женьшеня, сам сваливается на землю и имитирует смерть.

Эти же сведения подтверждаются и рассказом другого информанта. По его словам, копатель обязательно должен упасть со словами:

“Уе-уе, өзүм үстү” дээш мынчап чуглуп калыр. Ол ынчалбааза демги ол болбас чүве иргин // “Йо-йо, мой “корень” оторвали”, — так говоря, сваливается на землю. Если не делать такое, то нельзя, говорят” (инф. Талынтаа³, зап. в Ханасе в октябре 2018 г.).

Затем после такой “инсценировки”, копатель женьшеня, произнеся традиционные обрядовые тексты, в благодарность духу-хозяину местности разжигает жертвенный костер (*саң каар*), куда он кладет лучшие куски белой пищи (*ак чем*).

Представления о выкупе-жертве

В народе широко бытует поверье, что женьшень, который обладает магическими свойствами, просто так нельзя вырывать, взамен нужно отдавать жертву — долуг в виде отдаривания, в противном случае трава не будет целительной (Юша, 2009: 71). Исходя из мифологических представлений о том, что вместо выкопанной травы обязательно нужно дать выкуп-жертву, китайские тувинцы женьшень называют также и «большой греховной» травой (*улуг нүгүлдүг сиген*).

¹ Диалектное слово, литературная форма — *дээн ышкаш*.

² Хулдей, 1949 г. р., род хойт, с. Ханас.

³ Талынтаа, 1945 г. р., род танды, с. Ханас.

У тувинцев Китая, когда *отчу* выкапывает женьшень, то он должен принести духу-хозяину местности замену-выкуп в виде скота или животных, в некоторых случаях — человеческую жизнь, называя имя определенного человека, чтобы его «забрали». Считается, что в противном случае травник-лекарь может заплатить своей жизнью. Поэтому, боясь мести духа-хозяина местности, травники использовали разные способы защиты, при которых сами не вырывали женьшень, считая, что тем самым они предотвращают жертву «человеческой жизни». Например, заставляли собаку вырывать траву-женьшень, чтобы дух-хозяин местности «взял» его в качестве выкупа-жертвы:

...Оон сот ытка баглап алыр иргин. Ыттан чулдуар, чулса¹ кижн өлүп калыр дедир. Ыттан чулдуар иргин бурун, түүкүсүндө² // ... Потом веревку привязывают к собаке. Собаку заставляют ее вырвать, если (человек) вырвет — он умрет. Собаку заставляли вырывать (траву), оказывается, раньше, давным-давно (инф. Солонго, зап. в 2010 г.).

При другом способе использовали длинную палку, на конце которой повязывали веревку, с тем, чтобы привязать ее к женьшеню. Затем травник-лекарь как бы «нечаянно» резко наступал на палку и, тем самым, вырывал растение с корнем. В этом случае считали, что человек не вырывал женьшень намеренно, он тут ни при чем, таким образом, он полностью избавлялся от своей вины.

Тувинцы Китая верят, что выкапывание корня женьшеня связано с греховным делом (*хилинчек нүгүлдүг*), поскольку «обещают» взамен этой травы жизнь своих родственников. По рассказам респондентов, нередко бывало и так, что «обещали» человека из своих родственников.

“Мен амытаның, аңгы кижиниң тынын берейн” дээш ынчаап казар иргин бону. “Ам чараш дисең³ үрен⁴ кижиден ал, чаагай дисең ие кижиден ал”. Мооң адын адап туруп аайтыр иргин. Ам мисела⁵ бо аалда ам чараш келинчек уруглар тур ба, ону аайтып алыр иргин бодунуң аалын иштинен. — Я отдаю человеческую жизнь, жизненную силу-тын другого человека”, — такое произносятся, выкапывают его, оказывается. “Если хочешь красивого (человека) — забери из женщин, если хочешь прекрасного (человека) — забери из матерей”. По имени того человека называет, оказывается. Например, если в этом *аале* есть красивые невестки, то из своего *аала* именно их называет, оказывается (инф. Талынтаа, зап. в Ханасе в октябре 2018 г.).

Эти же представления об обязательной жертве имелись и у российских тувинцев. Так, человек, который хотел вырвать корень женьшеня, «молился всей Вселенной, обещая отдать кого-нибудь из родственников, сыновей, дочерей. Говорили, что “обещанный человек” после этого сразу умирал» (Кыргыз, 1992: 75–76). Кроме этого, «считается, что женьшень зарождается от молнии, и если не будет замены, того, кто выкапывает, может ударить молния» (Тувинские народные песни и обрядовая поэзия, 2015: 89).

¹ Диалектное произношение, литературная форма — *чулар болза*.

² Диалектное произношение, литературная форма — *төөгүдө, шаг-шаанда*.

³ Диалектное произношение, литературная форма — *дээр болзуңза*.

⁴ Диалектное слово, литературная форма — *уруг, кыс, херээжен*.

⁵ Казахское слово, литературная форма — *чизжээлээрге*.

Среди обрядовых жанров тувинского фольклора своеобразным и представляющим интерес является заклинание при выкапывании женьшеня, характерное для российских тувинцев (в анклавной традиции подобное поэтически оформленное заклинание-*чалбарыыр* не зафиксировано). Например, произносили заклинание-*чалбарыг*, в котором лекарь-травник описывал совершаемые ими действия:

1. Ораның оттуг көстүг оьдун	Огненную траву Вселенной,
2. Орнунга долуун бээрин айтып,	Взамен обещая выкуп,
3. Олурган черинден	С насиженного места
4. Одура тыртпайн,	Не сорвав,
5. Үнген черинден,	С растущего места
6. Үзе тыртпайн,	Не сорвав,
7. Дириг кижидег,	Как живого человека,
8. Амы-тынын үспейн,	Сохранив ей жизнь,
9. Аккыр ак энчекке	В белое войлочное покрывало
10. Диригге ораап алдым.	Живую, завернув, взял.
11. Оран-делегейге көргүспедим,	Не показывал Вселенной,
12. Орнун-долуун берип кагдым.	Вместо нее обещал выкуп-жертву
13. Казар дээш каспадым,	Выкапывая, не хотел я вырывать,
14. Кара довурак бурттулатпадым.	С земли не поднимал черную пыль.
15. Турар дээш турбадым,	Срывая, не хотел я сорвать,
16. Турган черинде сорбу чогул.	На растущем месте не оставил шрама.

(Тыва улустуң алгыш-йөрээлдери ... , 1990: 76: нумерация строк и перевод наши. — Ж. Ю.).

В данном примере содержатся мотивы оправдания и извинения (строки 1–16), так как по традиционным верованиям тувинцев, каждое живое существо, будь то дерево или цветок, имеет *тын* — жизненную силу. Поэтому человек, вырвавший корень, «собрав поспевшие ягоды женьшеня, зарывал их в землю вместо вырванного корня и поливал водой. Когда выкапывали женьшень, говорили, что даже в ясный день погода портилась: небо заволакивало тучами, гремел гром» (Кыргыз, 1992: 75–76).

В этом тексте кратко упоминается и представление о схожести человеческого тела со строением женьшеня (строка 7). Не случайно присутствуют строки о том, что выкопанную траву «завернул в белое войлочное покрывало» (строки 7–10), поскольку в тувинской культуре использование ритуального предмета белого цвета символизирует уважительное и сакральное отношение к чему-либо. Кроме этого, в начале и конце текста упоминается выкуп, обещанный травником взамен женьшеня (строки 2 и 12).

Заключение

Суммируя вышеотмеченное, кратко сформулируем основные выводы.

Культ женьшеня, распространенный у китайских и российских тувинцев, был основан на религиозно-мифологических воззрениях народа и способствовал появлению многих магических ритуалов и обычаев, обрядовых текстов, поверий и запретов. Анализируя эти мифологические представления, можно отметить, что отношение к женьшеню у тувинцев было двойственным. С одной стороны, в народной медицине женьшень считали одним из лучших лекарственных трав, верили, что женьшень мог исцелить даже тяжело больного человека. С другой стороны — женьшень считали одной из «трудных и греховных» трав, поскольку для того, чтобы вырвать его корень, нужно было в качестве выкупа-жертвы «обещать» конкретного человека, который после этого случая вскоре мог умереть. Эти представления настолько укрепились в сознании людей, что они верили — без предоставления жертвы в лечебных целях невозможно раскопать женьшень. Исходя из таких воззрений, в народной традиции были разные способы защиты: траву вырывали с помощью собаки или веревки, тем самым, считая, что предотвращают лишение человеческой жизни.

В фольклорной традиции китайских тувинцев, по сравнению с российскими, до настоящего времени сохранились рассказы о травниках-лекарях, об их чудесных способностях, о необычных свойствах женьшеня, с помощью которого можно было вылечить любую болезнь, а также правила акционального и речевого поведения при выкапывании женьшеня, представления о схожести строения женьшеня с человеческим телом. Были зафиксированы устные рассказы с описанием обрядовых действий, в прошлом существовавших у тувинцев; записаны сообщения о разных способах добычи женьшеня, установления на нем специальных меток и др., в которых отобразились мифологические воззрения и традиционные верования тувинцев.

Проведенный анализ показывает, что устная проза о женьшене у тувинцев Китая в значительной степени сохранила древний пласт общетувинского фольклора, который до настоящего времени имеет аутентичное исполнение. Перспективными аспектами дальнейшего изучения этой темы являются сравнительно-сопоставительные и ареальные исследования комплексного характера, посвященные образу женьшеня не только у тувинцев, но и народов Восточной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бромлей, Ю. В. (1981) Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М. : Наука. 389 с.

Бутанаев, В. Я. (1996) Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: УПП «Хакасия». 221 с.

Востриков, Л. А., Константинов, А. А., Фруентов, Н. К. (1979) Женьшень и его братья. Хабаровск : Хабаровское книжное изд-во. 192 с.

Кыргыс, З. К. (1992) Песенная культура тувинского народа. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 143 с.

Тувинские народные песни и обрядовая поэзия (2015) / сост. З. К. Кыргыс. Новосибирск : Изд. дом «Сибирская горница». 432 с.

Тыва улустун алгыш-йөрээлдери (Тувинские благопожелания) (1990) / сост., вступ. ст. З. К. Кыргыс. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 140 с.

Юша, Ж. М. (2009) Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. Новосибирск : Апельсин. 160 с.

Юша, Ж. М. (2012) Фольклор тувинцев Китая и Монголии (по результатам комплексных экспедиций 2011 г.) // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 24–29.

Юша, Ж. М. (2013) Современное бытование фольклорной традиции у тувинцев Китая // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 56–62.

Юша, Ж. М. (2017) Фольклорно-этнографические традиции тувинцев Китая (по результатам полевой работы 2016 г.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 3. С. 90–96.

Дата поступления: 15.10.2018 г.

REFERENCES

Bromlei, Yu. V. (1981) *Sovremennyye problemy etnografii (ocherki teorii i istorii)* [Modern problems of ethnography: essays on theory and history]. Moscow, Nauka Publ. 389 p. (In Russ).

Butanaev, V. Ya. (1996) *Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov* [Traditional culture and lifestyle of Khakas people]. Abakan, UPP "Khakasiya". 221 p. (In Russ).

Vostrikov, L. A., Konstantinov, A. A. and Fruentov N. K. (1979) *Zhen'shen' i ego brat'ya* [Ginseng and its brothers]. Khabarovsk, Khabarovsk book publishing house. 192 p. (In Russ).

Kyrgys, Z. K. (1992) *Pesennaya kul'tura tuvinskogo naroda* [Song culture of the Tuvan people]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 143 p. (In Russ).

Tuvinskie narodnye pesni i obryadovaya poeziya [Tuvan folk songs and ritual poetry] (2015) / Comp. by Z. K. Kyrgys. Novosibirsk, Publishing Haus "Sibirskaya gornitsa". 432 p. (In Russ).

Tiva ulustun algysh-ioreelderi (Tuvinskie blagopozhelaniya) [Tuvan good wishes] (1990) / comp. by Z. K. Kyrgys. Kyzyl, Tuvan book publisher. 140 p. (In Tuv.)

Yusha, Zh. M. (2009) *Obryadovaya poeziya tuvintsev: struktura i semantika* [Traditional poetry of the Tuvani: structure and semantics]. Novosibirsk, Apel'sin Publ. 160 p. (In Russ).

Yusha, Zh. M. (2012) Folklor tuvintsev Kitaya i Mongolii (po rezultatam kompleksnoy ekspeditsii 2011 g.) [Folklore of the Tuvans of China and Mongolia: from the fieldwork of 2011]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no 3, pp. 24–29. (In Russ).

Yusha Zh.M. (2013) *Sovremennoe bytovanie folklornoi traditsii u tuvintsev Kitaya* [The current state of the folklore tradition of Tuvans in China]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 56–62. (In Russ).

Yusha, Zh. M. (2017) *Folklorno-etnograficheskiye traditsii tuvintsev Kitaya (po rezultatam polevoy raboti 2016 g.)* [Folklore and ethnographic traditions of Tuvans in China: from

the 2016 fieldwork]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, no. 3, pp. 90–96. (In Russ).

Submission date: 15.10.2018.

Для цитирования:

Юша Ж. М. Женьшень в традиционной культуре тувинцев Китая и России [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/810> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2018.4.7

For citation:

Yusha Zh. M. Ginseng in the traditional culture of Tuvans in China and Russia. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 4 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/810> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2018.4.7